

Александр Эрот

Развратная сноха

18+

Александр Эрот

Развратная сноха

«Автор»

2026

Эрот А.

Развратная сноха / А. Эрот — «Автор», 2026

Светлане двадцать пять, и она соткана из неутолимой жажды и абсолютной свободы. Брак со Стасом, юным и богатым наследником, — лишь изящная золотая клетка и ширма для ее истинной жизни. Пока муж боготворит свою «жрицу», превращаясь из неопытного мальчика в преданного адепта, за бархатными портьерами особняка разворачивается куда более опасная и запретная игра. Игорь, властный отец ее мужа, — единственный, кто способен выдержать ее ненасытную природу. Их тайная связь — это первобытный танец, балансирующий на лезвии ножа. Светлана не просит разрешений. Она презирует ханжество, превращая чужие судьбы в декорации для своего триумфа. Это откровенный манифест женской гедонистической власти, где тело — не сосуд греха, а безграничный храм Эроса. История о том, как одна женщина подчинила отца и сына, сделав запретное табу своим личным искусством. Сбросьте оковы приличий. Добро пожаловать в мир, где стыд сгорает дотла.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Александр Эрот

Развратная сноха

Меня зовут Светлана. Я соткана из неутолимой жажды чувственных открытий и абсолютной свободы. Как учила меня в юности бабушка: «Такому редкому цветку грешно вянуть в тени ложной скромности». Я признаю лишь один культ — культ наслаждения. И, не буду лукавить, мне нравится, когда оно обрамлено в золото. Истинная красота требует роскошных декораций, а я ослепительно хороша и знаю цену своему дару погружать мужчин в пучину блаженства.

К двадцати пяти годам моя жизнь превратилась в бесконечную симфонию тел. Я давно сбилась со счета тех, кто познал со мной абсолютный экстаз. Мое истинное призвание — доводить мужское естество до высшей точки нежности губами и ласками. Я эстет и предпочитаю лишь самые выдающиеся, внушительные инструменты любви. Лукавят те женщины, что отрицают важность величественных форм — мое тело всегда жаждало лишь абсолютной глубины и силы.

Я презираю ханжество. Мои шелковые наряды — это откровенная провокация, заставляющая прохожих задыхаться от желания. Их голодные взгляды лишь разжигают во мне пламя. Моя сцена — это светские рауты и лазурные берега, где я становлюсь музой для зрелых покровителей, ищущих в моих объятиях спасения от семейной скуки, или юношей, готовых бросить к моим ногам состояния своих родителей ради ночи запретных таинств.

Жизнь полна изящной иронии: я стала законной женой застенчивого и успешного юноши из весьма влиятельной семьи. Он искал опытную проводницу в мир плотских удовольствий, а я, здраво оценив блестящие перспективы этой золотой клетки, милостиво приняла его кольцо.

Но моя главная тайна кроется в ином. Его властный отец с первого взгляда разгадал во мне истинную жрицу страсти. Еще до венчания я позволила ему соблазнить себя — или, быть может, соблазнила его сама. С тех пор, скрываясь за бархатными портьерами их респектабельного дома втайне от свекрови, мы продолжаем упоительно и регулярно нарушать все мыслимые запреты.

Эта двойная жизнь, протекающая за высокими коваными воротами загородного особняка, не тяготит меня. Напротив, она придает моему существованию тот неповторимый, пряный привкус опасности, без которого истинное наслаждение быстро блекнет. Общество обожает навешивать ярлыки, загонять женщин в прокрустово ложе благопристойности. Они думают, что золотое кольцо на моем пальце — это ошейник. Как же они слепы в своей наивной буржуазной морали! Брак для меня — это не финал, а лишь изысканные декорации для нового акта моей бесконечной пьесы.

Утро в нашем доме начинается с тишины, нарушаемой лишь пением птиц в саду и шорохом шелковых простыней. Стас просыпается первым. Мой юный муж, мой послушный ученик. Он смотрит на меня с тем благоговением, с каким паломники взирают на божество. Для него я — непостижимая тайна, спустившаяся с небес, чтобы открыть ему врата в мир, о существовании которого он лишь смутно догадывался, краснея над страницами запретных сайтов.

Его прикосновения робки, словно он боится обжечься о мою кожу. Я позволяю ему любить себя, направляя его неумелые пальцы, обучая его тело искусству медленной, тягучей ласки. Я леплю из его желания произведение искусства. Когда я беру инициативу в свои руки, когда мои губы начинают свой неспешный, влажный танец по его напряженному телу, он дрожит, как натянутая струна. Я дарю ему такие вершины экстаза, от которых он теряет разум, задыхаясь в моих объятиях. Он думает, что владеет мной, но на самом деле он — глина в моих руках. Я — жрица, а он — мой самый преданный адепт. И все же, несмотря на его пылкость и

растущее мастерство, его юношеской энергии не хватает той первобытной, властной глубины, которой так жаждет моя ненасытная природа.

Когда за Стасом закрывается дверь и его автомобиль скрывается за поворотом аллеи, атмосфера в доме неуловимо меняется. Воздух становится густым, наэлектризованным. Я принимаю ванну с лепестками роз и маслами, облачаюсь в невесомый пеньюар, который скорее подчеркивает изгибы моего тела, чем скрывает их, и спускаюсь в библиотеку.

Там, среди запахов старой кожи, дорогих сигар и коньяка, меня ждет Игорь.

Отец моего мужа — человек совершенно иной породы. В нем нет ни капли суетливости. Это зрелый хищник, патриций, чья власть над миром денег и людей органично перетекает во власть над женщиной. В тот самый первый день, когда Стас привел меня знакомиться с семьей, мне хватило одного взгляда в тяжелые, темные глаза Игоря, чтобы понять: мы узнали друг друга. Подобное притягивает подобное. Под маской респектабельного чиновника и примерного семьянина скрывался такой же ненасытный гедонист, как и я.

Наша первая близость случилась еще до свадьбы, в его кабинете, пока его жена и мой будущий муж обсуждали в гостиной меню свадебного банкета. Это было подобно удару молнии. Без лишних слов, без фальшивых прелюдий. Он просто подошел, властно привлек меня к себе, и его поцелуй был требовательным, не оставляющим места для отказа. Да я и не собиралась отказывать. В тот момент, когда его руки уверенно скользнули под мое платье, сминая тонкое кружево белья, я почувствовала, как по телу разливается горячая волна абсолютного, животного предвкушения. Игорь оказался обладателем именно того величественного мужского достоинства, перед которым я благоговею. Его вторжение в мое естество было глубоким, яростным и до исступления прекрасным. Он брал меня с той абсолютной уверенностью победителя, которая заставляет женщину добровольно и радостно сложить оружие.

Теперь, спустя месяцы, наша тайная связь приобрела еще более изощренные формы. Мы стали виртуозами скрытности.

Вечера в семейном кругу — это особое, ни с чем не сравнимое психологическое удовольствие. Представьте себе картину: роскошная столовая, хрусталь ловит блики свечей, подают изысканные блюда. За столом — ничего не подозревающая мать Стаса, светская дама, увлеченно рассуждающая о благотворительности. Рядом со мной — мой муж, который время от времени нежно целует мою руку, глядя на меня влюбленными глазами. А напротив, сидит Игорь.

Я надеваю на такие ужины платья, закрытые до самой шеи, но сшитые из ткани, которая струится по телу, как вода. Мой вид безупречен. Но под столом, скрытая тяжелой бархатной скатертью, разворачивается иная игра. Я скидываю туфельку и медленно, кончиками пальцев ноги, провожу по голени Игоря. Я вижу, как на мгновение замирает его челюсть, как темнеют его глаза. Он продолжает поддерживать светскую беседу, обсуждая с сыном котировки акций, в то время как моя нога поднимается выше, скользит по его бедру, дразня и доводя до исступления. Это балансирование на краю пропасти, это осознание того, что один неверный жест может разрушить целую империю их семьи, является для меня мощнейшим афродизиаком. Я пью этот риск, как выдержанное вино. Я чувствую себя всемогущей богиней, дергающей за ниточки мужских судеб.

После ужина, когда Стас уходит в свой кабинет на видеоконференцию, а свекровь удаляется в оранжерею, мы с Игорем находим друг друга. Наш тайный приют — гостевой дом на краю сада, скрытый за стеной плакучих ив.

Каждая наша встреча там — это ритуал очищения от светской лжи. Едва закрывается дверь, как исчезают роли «свекра» и «невестки». Остаются лишь мужчина и женщина, сжигаемые неутолимой жадой. Игорь не тратит время на нежность — для этого у меня есть муж. Игорь дает мне то, чего требует моя темная, необузданная сторона.

Он срывает с меня одежды с почти пугающей нетерпеливостью. Его руки, сильные и грубые, мнут мою грудь, оставляя на белоснежной коже легкие, алеющие следы. Я выгибаюсь навстречу его прикосновениям, издавая тихий стон, в котором смешаны покорность и вызов. Мое тело, созданное для любви, расцветает под его властным натиском, как экзотическая орхидея во влажной духоте тропиков.

Он толкает меня на широкую кровать, и я падаю на спину, раскинув руки, отдавая себя на его милость. Я люблюсь им. Возраст лишь высек его черты резче, придал его телу монументальность. Когда он обнажается, я вижу перед собой идеальный инструмент наслаждения — крупный, пульсирующий, требующий немедленного поглощения.

«Моя бесстыдная девочка», — шепчет он, и эти слова звучат для меня как высшая похвала.

Я опускаюсь перед ним на колени, потому что обожаю этот момент. Момент, когда величественная мужская сила оказывается в полной моей власти. Мои губы касаются горячей, гладкой кожи. Я ласкаю его медленно, вдумчиво, со знанием дела, вбирая его в себя, играя языком, доводя его до той грани, где контроль сменяется животным инстинктом. Я чувствую вкус его желания, вкус его власти. Но в этот миг властвую я. Я слышу его прерывистое дыхание, чувствую, как напрягаются мышцы на его бедрах.

Но он не позволяет мне закончить. Он слишком жаден до моего тела. Игорь поднимает меня, легко, как пушинку, и властно разводит мои бедра. Я уже истекаю влагой, мое лоно пульсирует в ожидании его вторжения. И он входит. Медленно, неумолимо заполняя меня целиком, до самой глубины. Этот момент слияния — когда его колоссальный объем растягивает меня, заставляя внутренности сжиматься в сладкой судороге — это то, ради чего я живу.

Я вскрикиваю, впиваясь ногтями в его плечи. Боль и наслаждение сплетаются в неразрывный узел. Он начинает двигаться — мощно, ритмично, безжалостно. Каждый его толчок отзывается эхом в каждой клеточке моего существа. Это не любовь в привычном, сентиментальном понимании. Это битва, это первобытный танец плоти, где мы пытаемся раствориться друг в друге, поглотить друг друга без остатка.

Я обхватываю его таз ногами, прижимая еще ближе, требуя еще большей глубины, хотя, казалось бы, больше уже невозможно. Моя грудь вздымается, волосы разметались по подушке. Я кричу, не сдерживаясь, зная, что толстые стены гостевого дома надежно хранят нашу тайну. Игорь отвечает мне глухим рыком. Темп нарастает, превращаясь в неистовую скачку. Мир сужается до размеров этой комнаты, до запаха нашего пота, до звука шлепков тел и нашего прерывистого дыхания.

Волна оргазма накатывает на меня неотвратимо, как цунами. Она зарождается где-то в самом центре моего существа, скручивается тугой спиралью и взрывается ослепительной вспышкой. Я содрогаюсь в его руках, пульсируя вокруг его естества, увлекая его за собой в бездну экстаза. Он изливается в меня мощными, горячими толчками, заполняя меня своим семенем, своей силой.

Мы лежим без сил, тяжело дыша, покрытые испариной. Его тяжелая рука покоится на моем бедре, властно присваивая меня даже в моменты покоя. Я смотрю в потолок, чувствуя, как по внутренней стороне бедра медленно стекает горячая капля.

В такие минуты ко мне приходит кристальная ясность. Многие, узнав о моей жизни, назвали бы меня падшей, аморальной, разрушительницей устоев. Пусть так. Мораль — это цепи, придуманные слабыми для того, чтобы контролировать сильных. Я же — абсолютное воплощение свободы. Мое тело — это мой храм, и я сама выбираю, кому позволить возносить в нем молитвы.

Я не продаюсь за деньги, как это делают уличные девки. Деньги, роскошь, бриллианты — это лишь естественные подношения моей красоте, естественный фон для моего существования. Я беру от мужчин то, что они сами счастливы мне отдать, будь то банковские счета

молодого любовника, преданность мужа или необузданная страсть его отца. Я дарю им то, чего они не смогут купить ни за какие миллиарды — иллюзию того, что они прикоснулись к чему-то вечному, к чистой, незамутненной стихии желания.

Моя красота и моя раскрепощенность — это не порок, это дар. Зачем прятать сияющий бриллиант в сейф, если он создан для того, чтобы сверкать на солнце, ослепляя окружающих? Бабушка была права. Я слишком яркая для серых рамок приличия.

Я поднимаюсь с постели, иду в ванную. В огромном зеркале отражается женщина в самом расцвете своей чувственности. Влажные губы, румянец на щеках, следы мужских пальцев на белой коже. Я идеальна.

Через час я вернусь в главный дом. Я снова надену маску любящей, скромной жены. Я заварю Стасу чай с ромашкой и буду слушать его рассказы о новых стартапах, нежно перебирая его волосы. Я буду улыбаться Игорю за завтраком, передавая ему тосты с джемом, и только мы двое будем знать, какой вкус хранят мои губы.

Моя жизнь — это великолепная, многогранная игра. И я играю в нее по своим правилам. Я — Света. Королева наслаждения, богиня плоти, женщина, которая не просит у мира разрешений, а берет от него все самое лучшее, упиваясь каждым мгновением своей восхитительной, греховной и абсолютно совершенной жизни. И пока в моих венах течет кровь, пока мое тело отзывается дрожью на мужской взгляд, я буду продолжать этот танец. Танец любви, где нет места стыду, а есть лишь бесконечное, всепоглощающее торжество чувств.

Возвращение по усыпанной гравием аллее к залитому огнями главному дому всегда сродни переходу между мирами. Ночная прохлада остужала мою пылающую кожу, но внутри, в самом средоточии моего женского естества, все еще бился жаркий пульс недавнего соития. Я шла неторопливо, вдыхая аромат ночных левкоев и влажной земли. Моя походка изменилась — в ней появилась та плавная, ленивая грация сытой пантеры, которую невозможно подделать.

Когда я переступила порог гостиной, Стас сидел на диване, освещенный мягким светом торшера, и листал что-то в планшете. Услышав мои шаги, он поднял голову, и его лицо мгновенно озарилось той щенячьей, безграничной нежностью, которая всегда трогала меня своей наивностью.

— Ты долго гуляла, любимая, — произнес он, откладывая планшет и протягивая ко мне руки.

— Ночь сегодня удивительно хороша, — ответила я, опускаясь рядом с ним и позволяя ему обнять меня.

Его пальцы зарылись в мои волосы, губы коснулись виска. Если бы он только знал, чьи руки сжимали эти волосы всего полчаса назад! Если бы он мог уловить едва заметный, мускусный запах чужой страсти, скрытый за шлейфом моих тяжелых французских духов! Но он не знал. Он дышал мной, как святыней. Я прижалась щекой к его груди, слушая ровный стук его сердца, и улыбнулась в полумраке. В этом и заключалась высшая точка моего личного искусства: быть всем для всех, оставаясь при этом абсолютно, непостижимо свободной.

Следующие несколько недель наша жизнь текла в ритме изысканного, тщательно срежиссированного менюэта. Дни были наполнены светлой, спокойной роскошью: поездки в бутики, ленивые часы у бассейна, обеды с подругами, чей кругозор не простирался дальше обсуждения сумочек и диет. Я слушала их щебетание с вежливой снисходительностью. Эти женщины, закованные в броню условностей и страхов, добровольно отказывались от главной привилегии своего пола — быть источником и поглотителем абсолютного наслаждения. Они боялись своей сексуальности, я же возвела ее в абсолют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.